

СЛУЧАЙНОСТЬ И ИРОНИЯ В РЕЛЯТИВИСТСКОМ ПРОЕКТЕ ИСТИНЫ РИЧАРДА РОРТИ

Е. Л. Терёхин

Белорусский государственный университет, г. Минск;

centipede@yandex.by;

науч. рук. – А. И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.

В статье рассматриваются два центральных понятия философии Ричарда Рорти – ирония и случайность как взаимосвязанные и взаимозависимые концепты, подчёркивается роль исторической случайности как условия формирования иронического мировоззрения. Отмечается, что в основе этих понятий лежит в первую очередь сомнение в эпистемических основаниях дискурса. Даются основные характеристики иронического мировоззрения. Анализируется жизнеспособность релятивистского подхода для современной философии, его потенциал в преодолении ограничений классических философских установок, намечаются те рамки, в которых он может этот потенциал проявить.

Ключевые слова: ирония, случайность, Рорти, эпистемические основания, эпистемологический релятивизм.

«Ирония» и «постирония» как характеристика эпохи постмодерна часто употребляются сегодня даже людьми, далёкими от философии и гуманитарных наук. Создание ситуаций с множеством интерпретаций, часто подчёркнуто несерьёзных, стало частью современной интернет-культуры. В академической же философии ироничность отсылает прежде всего к творчеству Ричарда Рорти, американского философа аналитической и прагматической школ, ставшего, по итогу, одним из апостолов постмодернизма и эпистемологического релятивизма.

Свой релятивистский проект Рорти наиболее полно описывает в одной из своих самых влиятельных книг «Случайность, ирония и солидарность», где он утверждает носителя нового типа гуманитарного мировоззрения – ироника.

В тройке «случайность», «ирония» и «солидарность» последняя стоит особняком и выступает как желательное состояние общества – либеральной утопии, для членов которой отвратительна жестокость в любом проявлении. Рорти пытается примирить солидарность со случайностью и иронией, по сути же признавая сложность подобного шага: общество ироников не становится автоматически солидарным, солидарность не следует напрямую из тех познавательных и этических установок, которые составляют суть релятивистского мировоззрения американского философа. Но первые два понятия из заглавия упомянутой книги – случайность и ирония – связаны гораздо значительнее: первое порождает второе.

Случайность – в нашем рождении, в одном из бесконечных вариантов «здесь и сейчас» нашего появления на свет; случайность – в той истории, что предшествовала нам, а значит – в том мире, который встретил нас, а затем лепил и формовал нас такими, какие мы есть сейчас. Наши взгляды на мир, характер, интересы случайны – полнота человеческого потенциала каждый раз персонифицируется случайным образом, создавая отдельную личность. Человек укоренён в случайной истории, которую он не выбирал.

Но тогда получается, что случайны и наши эпистемологические основания; истина случайна. Рорти настаивает, что каждая концепция истины так же исторична, как и человек, её провозглашающий и/или ей следующий. В соответствии с этим, Рорти условно разделяет мыслителей на тех, кто убеждён, что истина объективна, и её нужно лишь отыскать, и тех, кто считает, что истины, ценности и смыслы должны быть созданы. И в первом и во втором случае ставится вопрос описания, а значит языка. Набор слов и тех значений, который человек им придаёт, Рорти называет словарём. Человек, уверенный в объективных основаниях человеческого, будет считать свой словарь конечным, то есть способным окончательно и полно описать истину, смысл, добро и зло... – всё важное для человека вообще. Ироником же будет тот, кто осознаёт ограниченность своего словаря, его случайность, и не претендует на то, что его словарь отражает реальность как таковую [1, с. 102–104]. Творческий ироник к тому же будет стремиться «создать» себя – переописать себя – добавляя в свой случайный словарь «от мира» свои слова и смыслы; речь не идёт, разумеется, о буквальном словотворчестве, но о придании, насколько это возможно, индивидуальности своему самоописанию. Стать новой личностью – значит, найти для этого новые слова.

Ирония, таким образом, предполагает невозможность слишком уж серьёзного к себе отношения – не в смысле обесценивания индивидуальности, но в претензии на конечное знание. Ироник порывает с идеей, согласно которой его словарь когда-либо станет конечным, то есть пригодным для универсальных описаний и суждений – в том числе суждений о тех, кто использует альтернативный словарь. Мыслитель, соответственно, настолько ироничен, насколько он «освобождён» от уверенности в своей способности делать окончательные и всеобщие утверждения. «Все люди обладают N», «мир есть M» – чем меньше в его словаре подобных высказываний, тем в большей степени он «освоил» иронию.

Очевидная проблема подобного релятивизма – потому как ирония предстаёт здесь именно как релятивизм, как утверждение о невозможности выработать и предоставить объективные, в первую очередь эпистемические, основания наших знаний, убеждений, ценностей и пр. – так

вот, очевидная проблема релятивизма – это сложность с тем, как дальше выносить свои суждения, в том числе и о ненадёжности эпистемических оснований.

Релятивист всегда должен опасаться попасть в ловушку «все утверждения ложны». Одним из способов преодоления этого противоречия является экстерналистский подход: выход из системы, где утверждения обладают объективной истиной или ложностью. В соответствии с таким подходом, Рорти находит обходной путь, заменяя рационалистические утверждения и доказательства на попытку очаровать, и потому придаёт писателям и поэтам больший вес, чем философам.

Может ли ирония стать основным принципом современного философствования? Когда дело касается иронии, как понимал её Рорти, и релятивизма вообще, речь всегда идёт о степени: отказ от утверждений невозможен не только в силу характера социальных действий, требующих высокой степени согласия и организованности, но и из-за особенностей работы человеческой психики, организующей и упорядочивающей мир вокруг. Вспоминается сравнение сознания с хватающей рукой у Левинаса; человеческое сознание присваивающе по своей сути, и нейтральность вряд ли является возможной. Сомнительно, чтобы даже самые сложные хитросплетения мысли, размышления о мире трансцендентном или мире как системе знаков смогли бы разрушить интуитивное обладание полнотой реальности у индивида: «мыслить и быть – не одно ли и то же?». У нас нет оснований разделять сознание и мир, парадоксально вмещающие друг друга без остатка: интуитивно человек думает и действует именно в такой парадигме, где сознание равно миру, и законы мышления соответствуют логике мира вокруг. Значит, человек всегда что-то утверждает, даже не артикулируя, и отрешиться от этого вполне не способен.

Поэтому будущее иронии видится в её ограничительной функции: вопрос скорее в противодействии ригидности некоторых систем знаний и ценностей, а также неправомерной общности ряда положений, чем в отказе от оснований и утверждений.

Библиографические ссылки:

1. *Рорти, Р.* Случайность, ирония и солидарность/ Р. Рорти. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 280 с.